

11.27.07.03
(исход)

Каспаров Вадим

Вадим КАСПАРОВ:

«Не хочу пассивно ждать»

Он превратил современный танец в прибыльное предприятие, создав внушительных размеров образовательную систему в этой труднодоступной области. Делец и романтик, Вадим Каспаров является директором питерской труппы "Каннон-Данс", организатором танцевальных фестивалей и вообще человеком до крайности активным. Удивительно, но активность эта приносит плоды. Последний проект "Каннон-Данс" — большая серия мастер-классов в городах Сибири и Урала — подтверждает масштаб его устремлений. Так делец? Или все же романтик?

— Современный танец — это театр или нечто совсем уж отдельное?

— И да, и нет. Современный танец включает в себя так много всего, он может быть театром, концертом, шоу. Например, мне кажется, что "Провинциальные танцы" или труппа Ольги Поны — это театр. Что касается нашей группы "Каннон-Данс" — я не считаю, что она театральная в чистом виде. Больших спектаклей у нас не так много, но мы не концентрируем свое внимание на этом. Наши задачи выходят за театральные рамки — мы занимаемся еще и образовательной программой. А здесь должно быть нечто, что привлекало бы людей, молодежь. На ближайшие два-три года мы ставим перед собой такие задачи — создать схему, цикл выступлений. Это не будет шоу типа "Тодес", скорее, номера, доступные зрителю, притягивающие зрителя к современному танцу. Ведь проблема современного танца в том, что у него маленькая аудитория.

— Это характерно для нашей страны или так происходит везде?

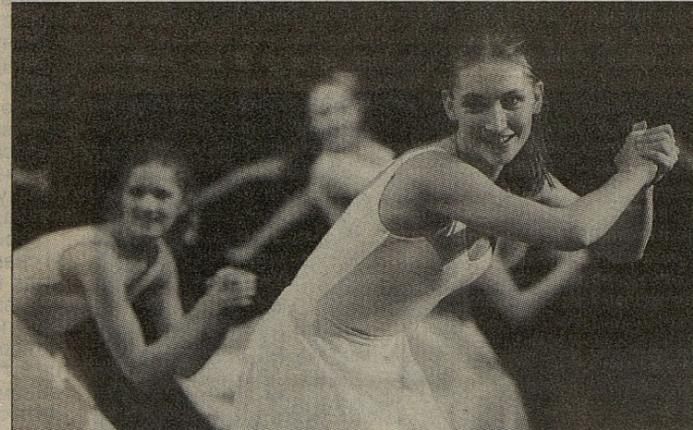
— В первую очередь, для нашей. На Западе, в той же Америке, схема общения с аудиторией уже отработана — в том числе и с молодежной. Например, я был на концерте известной труппы "Хаммер Стрит" — она регулярно проводит образовательные концерты в школах и университетах. Все наши педагоги преподают разные направления танца и для нас концертный вариант современного танца сейчас ближе. Мы должны формировать аудиторию. Пять лет назад в Санкт-Петербурге, когда мы начинали, в класс на первый урок пришло три человека. Сейчас у нас занимаются более двухсот взрослых любителей. Более ста детей.

— В чем все же основная проблема: в неподготовленности аудитории или в качественном состоянии современного танца?

— Сейчас можно сказать, что дело в аудитории. "Провинциальные танцы", Ольга Пона, Александр Пепеляев, "По.В.С.Танцы" достаточно хороши, чтобы нравиться публике.

— Однако вы в первую очередь заняты образованием не публики, но профессионалов, так?

— Мы вынуждены были создать свой факультет, потому что отдавать учеников в стандартные вузы — это смерти подобно. Стандартная программа не рассчитана на то, что ребята уже получили. У нас бывает по тридцать человек в год европейских преподавателей,

ученики получают информацию из первых рук. Мы хотим делиться этим опытом, создавая непрерывную систему обучения, начиная со школы и заканчивая вузом.

Мы проводим конкурс молодых хореографов — в первый раз поставили учеников поставить хореографию. Три работы оказались гениальными — на мой взгляд. А ребятам было по пятнадцать лет! Кто-то теперь идет своим путем, ставит непрерывно, причем все лучше и лучше.

Лучшие российские хореографы Баганова, Пона — самоучки в хорошем смысле. За 10-12 последних лет они учились везде понемногу, начали проявлять себя. Но таких мало. А чтобы было больше педагогов, больше хореографов — их надо растить.

— Какой официальный статус у вашей школы?

— Юридически — негосударственное образовательное учреждение. От государства мы не получили ни копейки ни на фестивали, ни на труппу, ни на поездки — ни на что. И слава богу. Я больше не обращаюсь за помощью и правильно делаю. Это дает мне возможность рассчитывать только на себя, а не на какой-то бюджет. Это постоянно держит в состоянии боевой готовности, и мне это нравится.

Хотя есть проекты, уже выросшие из коротких штанишек, как летний фестиваль современного танца, — конечно, сложно устроить и вытащить на себе. Но я понимаю, что все это нужно в первую очередь мне, моей школе, моим ученикам и труппе. Приезжают, скажем, ребята из Сибири и общаются с зарубежными хореографами. Мы вообще не закидываемся на Питере, наши программы рассчитаны на то, чтобы идти вглубь.

Кстати, рассказать, как это вообще началось?

— Конечно!

— В 97-м году моя жена Наташа поехала в Австрию. Я по интернету нашел танцевальную школу, где она могла бы заниматься мастер-классами. Она уехала и писала мне оттуда, что нашла то, о чем всю жизнь мечтала: мастер-классы по джазу, по модерну. Все-таки в семье должна быть хорошая атмосфера. Когда жена приезжает с горящими глазами, ты думаешь: так, что-то надо сделать. Приглашаем в Питер одного бродвейского педагога, я тут же иду в Институт культуры. Предлагаю бесплатные уроки, а им это оказывается ненужным. У них, видите ли, программа. Иду в Театр

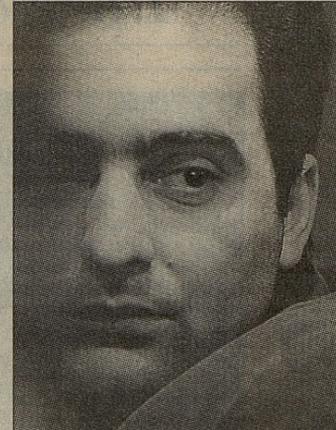
музыкальной комедии — та же история. Они, мол, Бродвей не танцуют, своих сил хватает. Иду в театральную академию, где учат актеров. Договорились с трудом, дали нам зал. Студенты с горящими глазами занимаются, танцуют, кайфуют! Сидит кафедра, смотрит на часы. И вдруг они говорят: у нас сейчас экзамен по испанскому танцу, выйдите все из класса! Американец выходит и спрашивает: зачем ты меня сюда привез? Если это никому не надо, зачем напрягаться?

Вот тогда я понял, что действительно надо что-то менять. И тогда мы открыли школу. Наташе было негде учиться, мы вообще были оторваны от танцевального мира. Она хотела развиваться, и я предложил ей самой начать учить тому, что она знала. Любительский уровень, ДК. Три человека, с кем. И пошло-поехало. Я мог отправить Наташу учиться на Запад и тем самым разбить семью. И я принял другое решение — привезти Запад в Питер, вот и все. Личные корыстные интересы привели к тому, что мне пришлось работать на то, чтобы привозить как можно больше западных педагогов. И сейчас получается, что нашей школе выгоднее быть в Питере, потому что ученики получают гораздо больше информации за меньшие деньги, а то и бесплатно. К нам на фестивали приезжают люди из Сибири, с Дальнего Востока — они растут на наших глазах.

Ребята просто накачаны различной информацией, но ведь суть образования — не в копировании, а в том, как эта информация усваивается. Например, одна из самых одаренных наших девочек, Аня Озерская, которая долго занималась танцем модерн, сделала свой джазовый показ. И в нем мы увидели то, чего не было нигде, — настоящий мультик на сцене. Это так сильно, что пробивает любую аудиторию.

— Современный танец может быть источником дохода?

— Он должен быть источником дохода. На самом деле, сейчас это происходит сплошь и рядом. Наша школа была первой, начавшей работать со взрослыми, до того эта аудитория была выключена. Многие труппы не выжили, потому что не было денег, государство не помогало. Так я сразу отменил государство как источник субсидий. Что мы могли придумать? Единственный вариант, который мы тогда нашли, — работа со взрослыми. Начали с джазового танца. Мы говорили: это при-

несет вам удовольствие и вы сможете овладеть джазом в двадцать лет. Пришли, попробовали, овладели. Модерн можно использовать и как оздоровительную методику, потому что все его законы основаны на йоге, на естественном положении ног, а не балетной выворотности. И мы никогда не забывали о творчестве, что самое главное! Мы никогда в жизни не будем учить танцу живота, сальсе или латине. Идея была такова: все деньги, заработанные школой, направлять на развитие труппы. Поэтому она имеет возможность ездить, развиваться, приглашать хореографов. В конечном счете вся схема работает на труппу — она должна быть образована, обеспечена и хорошо себя чувствовать. Если относиться к современному танцу с коммерческой точки зрения, то зарабатывать на нем можно через школу — пока.

— А как насчет шоу на больших площадках?

— С этим проблем нет, собираем в Питере полные залы. Другое дело, у меня сейчас возник новый проект кинотанца "Dance on Camera". Как адаптировать современный танец для камеры, чтобы было интересно смотреть? Ведь заснятые сценические постановки совершенно невозможно смотреть! Здесь нужно, чтобы хореограф и оператор вместе учились создавать хореографию, которой никогда не было и больше не будет, потому что ее никогда не перенести на сцену. Это новый жанр, существующий во всем мире. В результате мы получили три предложения от кинокомпаний, чтобы втянуть танец модерн и стилистику джаза в коммерческие ролики, в кинофильмы. Это красиво! В результате мы завоевываем новую аудиторию. Вот Баганова получила "Золотую Маску", но ее ни разу не показали по телевизору. И не покажут, потому что пробиваться очень сложно. Чего я не хочу, так это пассивно ждать, пока это случится автоматически. Надо форсировать, иначе мы теряем поколение и не создадим себе будущего.

— Практически труппой и школой "Каннон-Данс" руководят Наталья и Вадим Каспаровы. В какой пропорции?

— Моя жена — художественный руководитель. Мне вообще повезло с женой — Наташа педагог от бога. Такие симбиозы, как наш, нужно создавать по всей стране: художественный руководитель занят творческим процессом, развитием, но при нем должен суще-

ствовать директор или менеджер. Иначе возникают большие проблемы, когда худрук начинает брать в свои руки финансы. Финансами все и заканчивается. Это такая зараза — денег-то все время не хватает.

Структура "Каннон-Данс" такова: есть школа, есть труппа, есть своя сцена и свой театр. Есть фестивальная деятельность и есть высшее образование с дипломом — три года назад создана кафедра современной хореографии в Институте декоративно-прикладного искусства. А в этом году мы открыли кафедру современного танца и танцевальной терапии при Государственном институте физкультуры. Вообще танцевальная терапия — одно из перспективных направлений в нашей стране, хотя оно и мало развито. В танце, в отличие от какого-нибудь шейпинга, есть и творчество, и эмоция.

— Вы отбираете учеников?

— Иногда родители приводят ребенка и просят на него посмотреть, мол, подходит ли он нам. Подходит. Они: но вы же не посмотрели, может, у него что-то не так! Я говорю: вы хотите, чтобы я сказал, что у вашего ребенка короткая шея, кривые ноги? Я же ему заложу комплексы на всю оставшуюся жизнь. Толстый — супер! Худой — гениально! Главное, чтобы был здоровый. В этом и преимущество современного танца — он человечен. Он направлен на то, чтобы использовать возможности человека, а не выкручивать его, как в балете. Стопа не тянется — сломай. Тридцать лет — и уже на пенсию.

В нашей труппе есть такой Дима Бураков. Не могу сказать, что лучший танцовщик страны, но он пришел танцевать в двадцать лет, с корявыми ногами и несгибающимися коленками. Пришел парень к Наташе: я хочу танцевать! Ну давай, становись. Встал. Теперь ему двадцать три и он в основном составе труппы.

— Что сейчас в работе?

— Проект "Дистанция". Дело в том, что мы, в принципе, открыты для всей страны: приезжайте, учитесь. Но тут я понял, что вся страна не может к нам приехать. Все наши педагоги разножанровые, сами мы можем выступать на сцене, можем преподавать, можем рассказать об организации и управлении. Мы сами можем приехать в регион давать мастер-классы. Что мы и сделали в Сибири и на Урале. Система такова: недельные мастер-классы, заключительный совместный концерт и как результат — сертификат о повышении квалификации. В большей степени, это некая PR-акция, чтобы привлечь к современному танцу внимание не только аудитории, но и местных властей. Плюс образовательная акция для местных хореографов. Российское Объединение театров танца нас в этом поддерживает — в том числе и денежным грантом. Нужно, чтобы люди заразились этой историей — может, они никогда не видели джаза или модерна, занимаясь всю жизнь балетом или народным танцем. Мы хотим дать возможность коллективам, которые не могут приехать в Москву или Питер, прикоснуться к этому. А вдруг им понравится? Вдруг, кто-то скажет, как моя жена когда-то, что именно этого они искали?

Беседала
Дарья КОРОБОВА
• Танцовщицы "Каннон-Данс"
• Вадим Каспаров
Фото В.ЛУПОВСКОГО

Экран и сцена